

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА (конец XIV - XV в.): Опыт характеристики

Византийская интеллектуальная жизнь времени Палеологов, несмотря на общеполитический хаос и экономические трудности, переживала период подъема, свой последний взлет. На это время приходится деятельность многих ярких фигур византийской культуры. Интеллектуальная мысль активно была вовлечена в обсуждение внешнеполитической ситуации, в которой оказалась страна, пытаясь предложить тот или иной рецепт спасения империи. Идеологические споры между сторонниками и противниками латинян или турок приводили к размежеванию внутри ученой среды. Интеллектуалы, как и прежде, полемизировали друг с другом, выступали как главная оппозиционная сила и первый критик власти или же в качестве проводника и защитника имперских идей. При всей пестроте и неоднородности интеллектуальная среда сохраняла все же некоторое внутреннее единство.

Как и прежде, интеллектуалы оставались лишь довольно тонким слоем в структуре византийского общества. Они продолжали сохранять замкнутый и элитарный характер, ограничивая проникновение в свою среду высоким образовательным «цензом». И хотя истинно энциклопедическими познаниями обладали далеко не все ученые, а в их «эрудиции было больше блеска, чем глубины»¹, все же уровень образования среди интеллектуалов оставался достаточно высоким.

Этот слой являлся не однородным не только по степени обладания знаниями, но и по степени творческой активности и вовлеченности в интеллектуальные контакты. Он включал в себя тех, кто оставил после себя сочинения преимущественно религиозного характера, будучи далеким от научных споров, участия в литературных кружках, поддержания ученых связей со своими «собратьями по перу». Наиболее важными категориями, определявшими принадлежность к интеллектуальному миру, служили не социально значимые (знатность, приближенность ко двору, состоятельность), а духовно-эстетические (владение словом, широта познаний). С этой точки зрения признание в данной среде означало достижение человеком определенных высот на поприще научной деятельности. И при самооценке или характеристике кого-либо из ученой среды в первую очередь акцент делался на способностях и творческих успехах. «Я обращаю внимание на риторику и воздаю философии...

¹ Ševčenko I. Society and Intellectual Life in the XIVth century// XIV Congres international des Etudes byzantines. Bucarest, 1971. P. 26.

И кроме того, он должен не забыть упомянуть науку римлян и чужеземную мудрость, вспоминая меня»², - такое мнение хотел бы услышать в свой адрес Димитрий Кидонис, отмечая этим оценочные приоритеты, принятые в интеллектуальном кругу.

Обладая эксклюзивными правами на знания, они культивировали в своем кругу античные традиции, стремясь походить на великих предшественников. Внутренняя консолидация ученой среды осуществлялась при помощи множества нитей, связывающих интеллектуалов друг с другом посредством переписки, совместных дискуссий, литературных салонов. Эпистолярное наследие демонстрирует это единство интеллектуального мира, когда ученые поддерживали письменно связь друг с другом, и несет в себе свидетельства интеллектуального образа жизни и поведения.

В данной статье будет рассмотрен состав интеллектуальной среды последнего столетия существования Византийской империи. За временные границы работы взяты даты следующих политических событий: 1371 г. - битва при Марице, когда Византия утратила свой прежний политический апломб, и 1453 г. - падение империи. Однако вполне понятна относительность таких хронологических рамок, так как трудно вписать жизни людей в это «прокрустово ложе» времени. Деятельность многих интеллектуалов не прекратилась в связи с гибелью Византии, поэтому уместно будет расширить границы до конца XV в.

Кроме временных границ следует уточнить и пространственные. Несмотря на то, что собственно византийские территории в этот период были незначительны, мы относим к византийской ойкумене и те регионы, которые находились в социокультурной близости к Византии, где еще был жив греческий дух и живы византийские традиции. Поэтому под Византией мы подразумеваем более широкое пространство, включая и венецианский Крит, и Кипр, и Трапезунд, и некоторые другие территории, реально входившие в орбиту влияния империи.

Под интеллектуалами, вслед за И.Шевченко, мы будем понимать «византийских производителей сохранных интеллектуальных изречений, т.е. византийских писателей»³. Однако круг людей, которых можно было бы отнести к творческой среде, мог бы быть расширен за счет тех, кто не занимался непосредственно писательским трудом, но по уровню образованности и включенности в интеллектуальные контакты своего времени был близок к нему. Но скудость или полное отсутствие биографических свидетельств затрудняют реконструкцию интеллектуальной элиты в более полном объеме. В связи с этим приходилось учитывать только тех, о жизни которых нам известны какие-либо данные, позволяющие обратиться к характеристике ученой среды. Но, вероятно, вы-

² **Démétrius Cydonès.** Correspondance/ Publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 208. Vaticano, 1960. Vol. 2. Nr. 174. P. 25 - 28.

³ **Ševčenko I.** Society and Intellectual Life... P. 7.

воды, которые делаются на основе имеющегося материала, могут быть (с определенной осторожностью) распространены на всю эту среду.

Социальный состав различных слоев византийского общества был предметом неоднократных исследований⁴. Исследования же непосредственно состава интеллектуалов для XIV в. были проведены И. Шевченко⁵ и дополнены А. Кажданом⁶. Изучение следующего периода в данном направлении, таким образом, предоставит возможность проследить в исторической перспективе изменения, которые затронули интеллектуальный мир, и отметить устойчивые тенденции, которые сохранялись на протяжении нескольких веков. И. Шевченко, рассматривая интеллектуальную ситуацию XIV в., начинает обзор, по сути дела, с конца XIII в., чтобы искусственно не обрывать «корни». Продолжая его исследование, логично было остановиться лишь на XV в. Но, используя методику И. Шевченко, мы начинаем анализ интеллектуальной среды с конца XIV в. Подобный шаг оправдан еще и тем, что именно с 70-х гг. XIV в. выявились некоторые новые тенденции, которые одержат вверх в следующем столетии. Решение задачи значительно облегчено выходом в свет «Просопографического лексикона»⁷, который может быть рассмотрен как созданная по материалам разрозненной информации некая неполная перепись населения империи в палеологовскую эпоху. Кроме того, необходимо указать на совместную статью А.А. Чекаловой и М.А. Поляковской «Интеллектуалы и власть в Византии»⁸, где затрагивается проблема участия интеллектуалов во властных структурах.

При характеристике состава византийской интеллектуальной среды последнего столетия существования империи мы обратимся к количественным, демографическим, просопографическим, половозрастным и социальным аспектам и к связанным с этим побочным сюжетам.

Для периода конца XIV - XV в. нами выбраны 150 человек, которые принадлежали к интеллектуальному сообществу. Даже при беглом обзоре в глаза бросается тот факт, что список получился сугубо мужским. В нашем списке имеется только одно женское имя - знатная дама Евгения, принявшая постриг под именем монахини Евлогии, но ее творческая деятельность была довольно незначительной⁹. Писательский труд

⁴ По этому поводу см.: Каждан А.С. Социальный состав господствующего класса XI - XII вв. в Византии. М., 1971; Жаворонков П.И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: Элита// ВО. 1991. Социальный анализ проводится в этих работах на основе составленных анкет. Этим путем следовали и мы.

⁵ Ševčenko I. Society and Intellectual Life... P.7 - 30.

⁶ Kazhdan A. The Fate of the Intellectual in Byzantium: A propos of Society and Intellectual Life in Late Byzantium by I. Ševčenko (L., 1981)// Greek Orthodox Theological Review. 1983. T. 27. Nr. 1. P. 83 - 97.

⁷ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976 - 1994. F.1 - 12 (далее - PLP).

⁸ Чекалова А.А., Поляковская М.А. Интеллектуалы и власть в Византии// ВО. 1996. С. 5 - 24.

⁹ PLP. F. 3. № 6277.

и ученые занятия по-прежнему оставались привилегией мужчин. В этническом отношении писательская среда была достаточно однородной. Исключение составляют лишь 2 человека - критские поэты, происходившие из венецианских семей, но принявшие православие и писавшие по-гречески, Леонардо делла Порта и Марино Фальери¹⁰.

Рассматриваемый период был полон политических и идеологических потрясений, которые не могли не наложить отпечаток на психологическую атмосферу в обществе. И люди науки, как никто другой, остро осознавали неутешительные перспективы страны. Людьюми мыслящими более болезненно переживалась и пропускалась через себя окружающая действительность. А неуверенность в завтрашнем дне, внутренний дискомфорт, нестабильная, стрессовая ситуация, диссонанс между великими идеями и реалиями вряд ли способствовали спокойной и беспечной жизни. Вполне логично можно было бы предположить, что продолжительность жизни, в частности интеллектуалов, была невысокой. Но в реальности мы имеем иную картину. Только для 43 человек известны даты рождения и смерти. В возрастном промежутке 40 - 50 лет умерли лишь два человека (Макарий Макр и Лаоник Халкокондил), причем причиной смерти Макария Макара была эпидемия чумы¹¹. Больше половины ученых из нашего списка перешагнули 70-летний рубеж (после 70 лет умерли 29 человек). 4 человека по праву можно отнести к долгожителям: Димитрий Рауль Кавакис (умер в 90-летнем возрасте); Георгий Трапезундский (91 год); Георгий Гемист Плифон (92); монах Нифон (96 лет). Если попытаться определить среднюю продолжительность жизни для этого ограниченного круга, то получится очень высокий показатель - приблизительно 72 года. В процентном соотношении ситуация выглядит следующим образом: 40-49 лет - 4%, 50-59 лет - 12%, 60-69 - 16%, 70-79 лет - 47 %, 80-89 лет - 12 %, свыше 90 лет - 9 %. Трудно соотнести эти данные с общей демографической ситуацией в средние века. Однако здесь надо учесть ряд обстоятельств. Во-первых, интеллектуальным занятиям многие предавались уже на склоне лет, имея за плечами и жизненный опыт, и материальные возможности. Таким образом, вне поля зрения остаются те, кто обладал прекрасными задатками, но не смог реализовать свой творческий потенциал по причине преждевременной кончины. Скорбь по поводу ранней смерти своего друга (θανατος αωρος φίλου), увлеченного научными занятиями, описали в письмах Димитрий Кидонис, переживший потерю Синадина Астры¹², и Иоанн Хортасмен, сожалевавший об оставшихся нереализованными спо-

¹⁰ Beck H.-G. Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 197 - 199.

¹¹ PLP. F. 7. № 16379.

¹² Demetrios Kydones. Briefe/ Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981. T. 1, HbD. 1. № 64. 40 - 47.

собностях Феодора Антиохита¹³. Во-вторых, вероятная относительность полученных данных предопределена ограниченностью биографических сведений о жизни других интеллектуалов, и, возможно, в действительности показатели были несколько ниже.

По традиционным представлениям брак являлся препятствием на пути постижения истины и занятий наукой, уводя человека в суету повседневности, и поэтому в идеале ученый должен был быть свободным от семейных уз для более плодотворной литературной работы. Но в действительности лишь немногие сознательно, исходя из этих соображений, отказывались от создания семьи. Димитрий Кидонис, который считал жизнь в целомудрии необходимым условием свободы ученого и избрал для себя путь безбрачия, стремился оградить от брака и своего ученика Радена¹⁴, уверяя его, что «...если предпочтешь удовольствиям (браку. - Т.К.) свободу, философию, литературные занятия и то, что мы раньше превозносили друг с другом... то принесешь своим выбором пользу сам себе...»¹⁵. Однако Раден не склонен был прислушиваться к советам своего наставника в этом вопросе, и Кидонису оставалось лишь констатировать: «Но, вероятно, ты станешь рабом общих законов и в будущем вступишь в брак, хотя прежде ты первым стремился порицать эти (законы. - Т.К.)»¹⁶.

Византийские интеллектуалы исследуемого периода не отказывались от вступления в брак, и нам известны 25 человек, которые имели семью и детей, причем среди них и такие крупные фигуры интеллектуального мира, как Мануил Хрисолора, Михаил Апостол, Иоанн Аргиропул, Георгий Трапезундский и др. Не всегда, как мы видим, брак мешал научным занятиям, но благодаря ему можно было разрешить и некоторые житейские проблемы. Он позволял улучшить материальное положение, породниться со знатым родом, продвинуться по службе. К примеру, второй женой Георгия Амирутци была дочь наместника Коринфа Димитрия Асана, состоявшего в родстве с императорским домом¹⁷. Трудно сказать в каком возрасте вступали в брак люди, имевшие образование. Нам известно, что Михаил Апостол обзавелся семьей в 24 года, Феодор Агаллиан - в 25 лет, Георгий Сфрандзи женился в 36 лет, Димитрий Халкондил - в 64 года. Можно лишь предположить, что люди науки обзаводились семьями уже в сознательном возрасте, руководствуясь порой практическими соображениями. Интересно отметить, что трое из списка женаты на иностранках. Иоанн Хрисолора вступил в брак с Манфрединой, породнившись таким образом с известным итальянским гумани-

¹³ **Hunger H.** Johannes Chortasmenos. Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Wien, 1969. S. 67; 139. 6; 151. 277.

¹⁴ **Tinnefeld F.** Freundschaft und paideia: die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos// Byz. 1985. T. 55. Fasc. 1. S. 231.

¹⁵ **Demetrios Kydones.** Briefe. № 159. 12 - 15.

¹⁶ *Ibid.* № 159. 9 - 11.

¹⁷ PLP. F. 1. № 784.

стом Франческо Филельфо¹⁸ Дмитрий Рауль Кавакис был женат на итальянке Томмаса Боккали¹⁹, а Георгий Палеолог Дисипат, эмигрировавший во Францию, женился на французке Маргарите²⁰.

Говоря о византийской интеллектуальности, обычно отмечают как характерную ее черту преемственность в образовании²¹. Эта черта способствовала сохранению единства ученой корпорации и трансляции от одного поколения к другому знаний, нравственных и духовных ценностей. Однако можно заметить и еще одну особенность, присущую интеллектуальной элите, – семейные традиции в научных и литературных занятиях. Многие интеллектуалы связаны друг с другом не только духовными, но и родственными узами. Любовь к науке и литературе являлась во многих семьях укоренившейся традицией. В этот период, как ни в какой другой, среди писателей встречается значительное число близких родственников. В пределах нашего списка интеллектуалов можно выделить 13 «семейных кланов»²². Дать хорошее образование своим детям – желание многих родителей, заботившихся об их будущем. Безусловно, это было под силу порой лишь обеспеченным семьям. Приведенный нами перечень, где представлены в основном выходцы из состоятельных фамилий, позволяет продемонстрировать это. Любовь и стремление к знаниям наследовалась детьми от своих родителей. Таким образом, интеллектуалы были связаны не только духовно, но и генетически со своими предшественниками.

В данный период нарастает тенденция пополнения интеллектуальной элиты выходцами из провинций. Из 60 человек, место рождения которых нам известно, лишь 24 родились в столице, таким образом, больше половины (60 %) были родом из различных регионов империи: Трапезунда (Виссарийон и Георгий Амирутци), Кипра (Леонтий Махера, Исайя), Крита (Марк Мамунас, Леонардо делла Порты, Нил Берт, Иоанн Плусиадин), Фессалоники (Димитрий Кидонис, Мануил Хрисолора, Феодор Газа, Макарий Макр, Николай Кавасила Хамает), Пелопоннеса

¹⁸ PLP. F. 11. № 31160.

¹⁹ Ibid. F. 5. №10484.

²⁰ Ibid. F. 3. № 5531.

²¹ Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992. С. 8 – 9; Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV – XV вв. СПб., 1997. С. 64; Кривушин И.В. Византийское образование при Палеологах// Традиции образования и воспитания в Европе XI – XVII вв. Иваново, 1995. С. 27.

²² Братья Дмитрий и Прохор Кидонисы и состоящий с ними в родстве Георгий Гаврилопул Кидонис; Андрей, Максим и Феодор Хрисоверги; Марк и Иоанн Евгеники и их отец гимнограф Георгий; Лаоник Халкокондил, его отец Георгий и кузен Димитрий; братья Андроник и Георгий Галисиоты; Мануил Хрисолора и его родственники Иоанн Хрисолора и Димитрий Скаранос; Мануил II Палеолог и его дядя Константин Асан; мелограф Мануил Аргиропул и его сын Иоанн; братья Игнатий и Каллист II Ксанфопулы; Николай Кавасила, племянник и ученик патриарха Нила; Димитрий Рауль Кавакис – правнук Феодора Метохита; кузены Феодор Газа и Андроник Каллист; Иоанн и Георгий Герметианы.

(Исидор Киевский, Антоний Пиропулос), Афин (Лаоник и Димитрий Халкондилы), Фракии (Иоанн Аргир) и др. Только 13 человек из нашего общего списка умерли в Константинополе, в то время как провинция стала последним пристанищем для 20 ученых²³.

Столица продолжала оставаться центром духовной жизни Византии. Здесь проживали в разное время в пределах рассматриваемого периода 36 писателей, однако большая часть из них (23) жили в Константинополе в период конца XIV- начала XV в. Наряду со столицей появляются и другие важные центры притяжения интеллектуальных сил. Это было обусловлено падением престижа центральной власти, которая прежде выступала в качестве мецената и покровителя ученых. Одним из таких центров, соперничавшим по насыщенности и активности духовной жизни с Константинополем, являлась Мистра, расцвет которой связан с деятельностью там Георгия Гемиста Плифона и кружка, образовавшегося вокруг него. Последний пример как раз ярко иллюстрирует провинциализацию интеллектуальной жизни, которая началась с последнего десятилетия XIV в. Удаленный из столицы императором по настоянию священников, Георгий Гемист Плифон переселился в Мистру, которую покидал лишь изредка²⁴. Фессалоника также не утратила своей притягательной силы для интеллектуалов. С этим городом была связана деятельность Иоанна Анагноста, Константина Иванка, Мануила Мазариса, Макария Макра. Безусловно, занимал особое место в списке духовных центров Византии и Афон. Но в этот период выкристаллизуются и другие центры притяжения, куда устремлялись люди науки. Это связано с тем, что с начала XV в. становится ведущей в творческой среде тема эмиграции. Италия превращается в место паломничества византийских ученых, которые находили там приложение своим силам на образовательной ниве. Среди итальянских городов наиболее посещаемыми были Флоренция, Венеция, Милан и Падуя. Византийские писатели в Италии давали частные уроки греческого языка и получали кафедры местных университетов.

Характерной особенностью интеллектуального мира поздней Византии является "подвижность" ученых, что не присуще писателям предыдущих периодов. При этом на смену центростремительной тенденции, когда вектор движения интеллектуальных сил был направлен к Константинополю, приходит центробежная. Большинство писателей лишь периодически жили в столице. Провинция стала постоянным местом пребывания для 34 интеллектуалов. Они селились на Пелопоннесе, Кипре, Крите, Селимврии, Эпире, Фракии и в других районах. Интеллектуалы постоянно перемещаются не только в пределах империи, но и в направ-

²³ Учитывались только те, кто умер до 1453 г. Падение империи и последовавшая эмиграция вынудили многих интеллектуалов покинуть пределы Византии и поселиться в других европейских государствах, где они и нашли свой последний приют.

²⁴ **Медведев И.П.** Мистра: Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. С. 100.

лении Запада и Востока. География путешествий в западном направлении не ограничивалась только лишь Италией. 28 человек побывали хоть раз на Апеннинском полуострове или вовсе переселились туда. 10 писателей посетили и другие европейские государства (Англию, Францию, Германию, Польшу, Русь). И это было связано не только с выполнением служебных функций, но и с общей политической, идеологической и экономической ситуацией, следствием которой стала эмиграция, начавшаяся в конце XIV в. и достигшая апогея в XV в.

Среди интеллектуалов рассматриваемого периода значительную долю составляют те, кого можно отнести к церковной сфере (77 человек). Сюда включены не только имевшие какой-либо духовный сан или принявшие постриг, но и люди, которые занимали посты в церковном управлении, хотя при этом могли и оставаться мирянами. Среди интеллектуалов немало высших церковных иерархов: 8 патриархов Константинополя (Филофей Коккин, Мануил II Христоним, Нил, Каллист II Ксанфопул, Матфей I, Григорий III, Геннадий Схоларий²⁵, Сильвестр Сиропул)²⁶ и 11 митрополитов (Макарий Хрисокефалос в Филадельфии, Исидор Глава в Фессалонике, Филофей в Селиврии, Даниил в разное время в Смирне и Эфесе, Симеон в Фессалонике, Иоанн Плусиадин в Метоне, Андрей Хрисоверг на Родосе, Марк Евгеник в Эфесе, Виссарион в Никеи, Макарий в Анкаре, Исидор в Киеве). Некоторые писатели были близки к церковной элите: Иосиф Вриенний - проповедник при дворе Мануила II Палеолога и представитель патриарха на Кипре²⁷, Даниил принимал участие в избрании патриарха в 1486 г.²⁸ Многие получали значительные должности в церковном управлении и аппарате. Посты в Великой Церкви на разных этапах своей жизни занимали 13 человек, 2 человека являлись нотариями патриаршей канцелярии и 1 был скеофилаксом в Святой Софии в Фессалонике²⁹. Как уже говорилось, в этом списке встречаются и светские лица (как, например, Иоанн Хортасмен), которые воспринимали должности в церковных структурах как службу, обеспечивающую определенный уровень материального состояния, ведь церковь продолжала сохранять статус могущественного института,

²⁵ Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 804.

²⁶ Из 8 упомянутых патриархов трое возглавляли Константинопольскую патриархию уже после падения Византии: 1454 - 1456 - Геннадий Схоларий, 1463 - 1464 - Сильвестр Сиропул, 1476 - 1482 - Мануил III Христоним.

²⁷ PLP. F. 2. № 3257.

²⁸ Ibid. F. 3. № 5133.

²⁹ Протопапы на Крите - Иоанн Симеонак и Иоанн Плусиадин, нотариы патриаршей канцелярии Иоанн Хортасмен и Феодор, нотариы Великой Церкви Михаил Хрисокок и Димитрий Хлор, клирик Великой Экклесии Мануил, протосинкелий Макарий Макр, дикеофилакс Феодор Агаллиан, кафаликос и топорет Евстафий, номикос Великой Экклесии Феодор, заместитель патриарха Антиохии и великий протосинклитик Иоасаф, скеофилакс церкви Св. Софии в Фессалонике Мануил Мазарис, хартофилакс Великой Экклесии Николай, логофеты Мануил и Георгий Евгеник.

и под ее крыло устремлялись интеллектуалы в условиях ослабления политического и экономического благополучия центральной власти.

42 человека из общего списка приняли монашеский постриг. Но надо учитывать и тот факт, что по традиции многие приходили к подобному решению лишь на склоне лет, прожив активную жизнь в миру. Примером тому могут служить судьбы Георгия Сфрандзи, известного историка, занимавшего крупные должности при последних Палеологах, который в возрасте 68 лет нашел покой в тишине монастыря на Корфу³⁰, или императора Мануила II Палеолога, принявшего монашеский обет за два дня до своей смерти. Основными центрами, куда тяготело литературное монашество, оставались монастыри Константинополя, Афона и Метеор. Большинство известных нам монахов трудно отнести к низшему разряду в монашеской иерархии. Только 12 человек остались на незначительном уровне в монастырской системе. Многие же быстро продвигались по церковным должностным ступеням. Как и прежде, образование открывало монаху хорошую перспективу. Патриарших высот достигли 5 человек, 6 получили митрополию в управление и двое стали монастырскими настоятелями. Симеон Атуман, монах Студийского монастыря, впоследствии принял в архиепископство Фивы³¹. Среди монахов были и весьма состоятельные люди. Основателями кельи в столице стали два брата - Каллист и Игнатий Ксанфопулы³², ктитором монастыря на Крите - Иосиф Филагрис³³, Нил Дамила, обладавший прекрасной библиотекой, составил типик для основанного им женского монастыря³⁴. Некоторые писатели оказались включенными в управленческие структуры византийской церкви, что тоже позволяло повысить свой социальный статус. Таким образом, интеллектуал, решивший отказаться от суетной мирской жизни, имел неплохие возможности служебного роста, которые сулили и положение в системе, и материальную обеспеченность.

Говоря о духовных лицах, мы имели в виду лишь тех, кто принадлежал к ортодоксальной церкви. Но в этот период среди византийских ученых появляются и католики. Широкая полемика по вопросам латинского богословия, начавшаяся в XIV в.³⁵ и обострившаяся в следующем столетии в связи с растущей угрозой турецкого завоевания, привела к переходу некоторых интеллектуалов из традиционного православия в лоно католической церкви. 17 человек сменили свое вероисповедание, а 10 из них состояли на службе при папском дворе. Примечательно, что сре-

³⁰ **Hunger H.** Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. T. I. S. 494; PLP. F. 11. № 27278.

³¹ PLP. F. 2. № 1648.

³² **Beck H.-G.** Kirche... S. 784.

³³ PLP. F. 12. № 29730.

³⁴ **Talbot A.-M.** Bluestocking Nuns: Intellectual Life in the Convents of Late Byzantium// Harvard Ukrainian Studies. 1983. P. 608 - 613.

³⁵ **Поляковская М.А.** Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг. XIV в.)// АДСВ. 1979. Вып. 16. С. 55 - 56.

ди этих людей можно выделить небольшой круг, члены которого были связаны друг с другом отношениями «учитель – ученик», и при принятии решения учеником немалую роль оказали позиция в вопросах веры и влияние наставника. Вслед за своим учителем Димитрием Кидонисом его ученики Максим и Андрей Хрисоверги, Мануил Хрисолора, Димитрий Скананос принадлежат католичество.

Сравним наши данные с ситуацией XIV в. И. Шевченко относит к церковным лицам 55 % интеллектуалов, по нашим же результатам для всего обозначенного периода они составляют 51 % от общего числа, в то же время для XV в. процент еще ниже. Казалось бы, здесь прослеживается слабая тенденция на сокращение доли тех, кто принадлежал к сфере церковной. Но, вероятно, в действительности соотношение писателей, относящихся к церковным и светским кругам, оставалось и в поздний период таким же, как и в прежние времена. А если и наблюдается уменьшение их числа, то это в значительной мере связано с политическими потрясениями, которые нарушили устоявшиеся традиции и обычный ход жизни.

Значительная часть интеллектуалов являлись светскими писателями. Мы не исключаем из их числа и тех, кто занимал определенные позиции в церковной иерархии, так как византийский интеллектуальный образ жизни в своих проявлениях продолжал носить светский характер.

Основная масса писателей принадлежала к гражданским лицам. В нашем случае только 3 человека имели отношение к военной службе: Михаил Панарет, часто принимавший участие в походах³⁶; Тарханиот, состоявший на военной службе в 1374 - 1375 гг.³⁷; Лука Нотара, бывший великим дукой флота в 1441 - 1456 гг.³⁸ Ситуация, когда образованные, книжные люди были представлены в основном гражданской частью социума, типична и для предшествующих периодов Византии³⁹.

Практические профессии, как и в предшествующий период⁴⁰, имело незначительное количество ученых. 7 человек были врачами, обладая специальной подготовкой и оставив после себя трактаты на медицинские темы. О трех мы знаем, что они являлись судьями, а один был адвокатом на Крите (Леонардо делла Порта). К практической деятельности следует отнести также и преподавание. Безусловно, оно материально вознаграждалось, но вряд ли возможно его считать профессией. Безусловно, большинство писателей обладали необходимым для обучения других уровнем образования. Отметим, что византийскую систему образования в качестве учителя или ученика прошел почти каждый третий

³⁶ PLP. F. 9. № 21651

³⁷ Ibid. F. 11. № 27471.

³⁸ Ibid. F. 8. № 20730.

³⁹ Каждан А.П. Социальный состав... С. 245.

⁴⁰ Шевченко отмечает, что интеллектуалы редко имели практическую профессию, и только 5 человек в XIV в. занимались деятельностью врачей и адвокатов. См: *Ševčenko I. Society and Intellectual Life...* P. 11.

интеллектуал. Обучение наукам, как известно, велось в Патриаршей школе, в светской высшей школе, в итальянских университетах или частным образом. Для исследуемого периода мы знаем значительное число учителей среди писателей: 12 человек преподавали в Патриаршей и светских школах, двое были наставниками императорских особ, а 22 человека работали в качестве учителей греческого языка, философии или риторики на Западе или преподавали в итальянских университетах.

Спектр вопросов, волновавших интеллектуалов рассматриваемого периода, был широк. Основными темами, которым были посвящены работы византийских писателей, оставались богословские, риторические, философские и филологические проблемы. Некоторые авторы оставили после себя исторические сочинения (Дука, Сфрандзи, Халкондил, Критовул, Нил Ставр, Михаил Лигиц и Леонтий Махера). В списке трудов византийских авторов встречаются работы и по астрологии, математике, медицине, греческие и латинские переводы, но отсутствуют юридические сочинения.

Образование позволяло человеку надеяться на получение должностей в административном аппарате при дворе или в церковной системе, рассчитывать на продвижение по службе, а вместе с тем на достижение материального благополучия. Стремление людей науки занять должность (а это подразумевало и определенное вознаграждение), может свидетельствовать о том, что многие интеллектуалы не имели другого более надежного источника доходов, который бы позволил посвящать все свое время научным штудиям, не заставляя их ожидать милостей со стороны сильных мира сего. Образованные люди были покорны и беззащитны перед лицом власти⁴¹. Неоднократно интеллектуалы, жалующься на тяготы службы у императора, говорят о нравах, царивших при дворе. «И вот я получил место поближе к императору среди придворных дармоедов - ведь ты знаешь, конечно, темы разговоров, которые здесь как нагроможденные амфоры, и знаешь, как они упражняются в коварстве из праздности; они знают только одно стремление для умножения собственной власти - вращаться в обществе императора...»⁴², - сообщает Димитрий Кидонис наследнику престола Мануилу Палеологу, позволяя себе подобные хлесткие характеристики, хотя его адресатом являлся наследник престола. И несмотря на то, что он восклицает: «Можно ли желать себе худшего, чем мучения при дворце императора»⁴³, Кидонис, как и другие люди науки, обречен был искать поддержки от правителя, раболепствуя и угождая ему. Стремление, с одной стороны, сохранять свободу от власти, следуя античному принципу паррисии (ἡ παρρησία),

⁴¹ Ševčenko I. Society and Intellectual Life... P. 9.

⁴² Démétrios Cydones. Correspondance. № 218. 47 - 52.

⁴³ Demetrios Kydones. Briefe. № 53.10.

и, с другой стороны, вынужденная зависимость и покорность от нее приводили к деформации, раздвоению личности интеллектуала⁴⁴.

Византийские писатели были вовлечены в административные структуры. Должности вселенского судьи (καθολικός κριτής) получили 4 человека. В списке интеллектуалов, которые занимали посты в аппарате управления, 3 проэдра, протонотарий (Михаил Панарет), нотариий (Иоанн Евгений), великий ойконом (Феодор Агаллиан). Но в поздний период сокращается тенденция привлечения на ведущие должности интеллектуалов⁴⁵. Их активней использовали в качестве секретарей, доверенных лиц или сопровождающих императора (12 человек). Последние византийские императоры охотно привлекали образованных людей к участию в дипломатических миссиях и представительствах⁴⁶. 16 человек из нашего общего списка выполняли функции послов по поручению императорских особ, побывав в Европе или при дворе турецкого султана. С дипломатическими поручениями неоднократно посылались Мануил и Иоанн Хрисолоры⁴⁷, Димитрий Ангел Клид⁴⁸, Георгий Сфрандзи⁴⁹ и др. Были среди интеллектуалов и те, кто принадлежал к «дипломатическим» семьям, представители которых в разных поколениях участвовали в посольствах. К примеру, Георгий Дисипат, совершивший поездку к венгерскому королю в 1444 г.⁵⁰, был представителем известной фамилии дипломатов.

Но ослабление престижа центральной власти приводит к оттоку от нее интеллектуальных сил. Многие писатели ищут покровительства на стороне, устремляясь на службу к провинциальным и иностранным правителям. Известный историк Дука находился на службе у Гаттелузи на Лесбосе в 1421 и 1456 гг., побывал в качестве посла у Мехмеда II⁵¹. Герметиан занимался воспитанием детей морейского деспота Фомы⁵². Георгий Палеолог Дисипат, эмигрировавший во Францию, состоял при Людовике XI в качестве советника⁵³. Автор Кипрской хроники Леонтий Махера выполнял функции секретаря Жана де Нореса, он располагал значительным имуществом и рассчитывал на жалование, получаемое

⁴⁴ Poljakovskaja M.A. Freisinn oder Angst? Die moralischen Dominanten zweier Korporationsgruppen der byzantinischen Gesellschaft// Byzantium: Identity, Image, Influence. Abstracts. XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 1996. S. 7621.

⁴⁵ Чекалова А.А. Поляковская М.А. Интеллектуалы и власть... С. 20.

⁴⁶ Медведев И.П. К вопросу о принципах византийской дипломатии накануне падения империи// ВВ. 1972. Т. 33. С. 131.

⁴⁷ Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. München; Berlin, 1965. T. 5. № 3329, 3339.

⁴⁸ Ibid. № 3432.

⁴⁹ Ibid. № 3519, 3525.

⁵⁰ Dölger F. Regesten... № 3505.

⁵¹ PLP. F.3. № 5685.

⁵² Trapp E. Hermetianos und Hermonymos// JÖB. 1978. T. 27. S. 287.

⁵³ PLP. F.3. № 5531.

при дворе Лузиньянов⁵⁴. Георгий Сфрандзи, служивший Мануилу II и Константину XI, после падения столицы в 1453 г. перебрался в Мистру к деспоту Фоме Палеологу⁵⁵. Интеллектуалы оказывались на службе у богатых соотечественников. Так, Димитрий Скаранос был управляющим у Иоанна Ласкариса Калофера в Андрусе на Пелопоннесе и после смерти Калофера - распорядителем его наследства⁵⁶. Некоторые ученые, оказавшись на Западе, получили поддержку со стороны папского престола или местной знати. Папская курия использовала знание и опыт византийских ученых, привлекая их на службу в качестве своих секретарей, легатов и послов. Иоанн Кипариссиот, принявший католицизм, состоял в свите папы Григория XI в его путешествиях, получая за это финансовую поддержку⁵⁷. Апостольским легатом на Кипре и Родосе был доминиканец Андрей Хрисоверг⁵⁸. С миссией от папы Сикста IV в 1476 г. побывал в Англии Георгий Герметиан⁵⁹. Апостольским секретарем в Риме был известный писатель Георгий Трапезундский, который также сменил вероисповедание⁶⁰. Наибольших высот в папской курии достиг Виссарион, который перебрался в Италию еще в 1433 г., а уже в 1439 г. получил титул кардинала⁶¹. Он, будучи кардиналом и имея от этого определенные доходы, неоднократно оказывал помощь деньгами эмигрировавшим из Византии интеллектуалам. В то время, когда для многих ученых, оказавшихся в Италии, остро стоял финансовый вопрос, служба при дворе пап позволяла материально себя обеспечить. Покровителями византийских ученых выступали на Западе и светские лица. Герцог Милана Франческо Сфорца оказывал содействие не только итальянским гуманистам, но и эмигрантам из Византии, в частности Константину Ласкарису⁶². Помощь крупного финансиста и политического деятеля Флоренции Палла Строрци получили многие образованные византийцы⁶³.

Обращаясь к характеристике социального состава византийских интеллектуалов, надо отметить неоднородность в этом отношении ученой среды. Интеллектуалы принадлежали к различным социальным слоям общества, и вопрос о их принадлежности неоднократно затрагивался в литературе. Г. Хунгер полагал, что носителями знаний выступали представители низших групп византийского социума, и только единицы из

⁵⁴ Тивчев П. Леонтий Махера как историк Кипра// ВВ. 1973. Т. 35. С. 166 - 167.

⁵⁵ PLP. F. 11. № 27278.

⁵⁶ Ibid. F. 11. № 26035.

⁵⁷ Beck H.-G. Kirche... S. 736.

⁵⁸ PLP. F. 12. № 31106.

⁵⁹ Ibid. F. 3. № 6125.

⁶⁰ Ibid. F.2. №4120

⁶¹ Ibid. F.11. № 2707; Удальцова З.В. Философские труды Виссариона Никейского и его гуманистическая деятельность в Италии// ВВ. 1973. Т. 35. С. 81 - 83.

⁶² PLP. F. 11. № 27267.

⁶³ Ibid. F. 11. № 26963.

знати приобщались к научным занятиям⁶⁴. И. Шевченко отмечает незначительное количество земельных собственников среди ученых⁶⁵. По мнению И.П. Медведева, «выходцы из феодальной знати составляли весьма заметную часть византийской интеллектуальной элиты»⁶⁶. Попробуем определить социальный состав ученых конца первой половины XIV - XV в. Известно положение в обществе семей, в которых они родились, лишь немногих интеллектуалов. Мануил Оловол был выходцем из торгово-ремесленных кругов, его дед изготавливал шляпы, а отец торговал вином⁶⁷. Матфей Камариот - сын священника, а Плифон родился в семье протонотария Святой Софии. Известно, что Димитрий Кидонис, Николай Кавасила, Макарий Макр, Димитрий Рауль Кавакис, Михаил Критовул, Леонтий Махера принадлежали к знатым родам. О благородном происхождении Феодора Антиохита упоминает Иоанн Хортасмен, подчеркивая огромные размеры его наследства⁶⁸. Дука происходил из известной, но обедневшей семьи⁶⁹. 3 человека состояли в родстве с правящей династией: дядя Мануила II Константин Асан; Георгий Гуделес, родственник Мануила II; Лука Нотара, зять Иоанна VIII и Константина XI. Среди интеллектуалов рассматриваемого периода имелись и 3 представителя императорского дома: Иоанн VI Кантакузин и его старший сын Матфей, «философ на троне» Мануил II Палеолог.

А.П. Каждан, проводивший анализ социального состава элиты византийского общества в XI - XII вв., выделил аристократические семьи, расположив их по степени знатности⁷⁰. При анализе патронимов интеллектуалов, мне также удалось выделить 24 человека, имевших родовые имена, их носители в предшествующие периоды принадлежали к аристократии. Среди писателей встречаются обладатели таких старых византийских фамилий, известных еще с XI в. и имевших прежде высокий общественный статус, как Ангелы, Тарханиоты, Дуки, Сгуры, Ласкарисы, Вриеннии, Пигониты, Сиропулы, Панареты, Пепагомены и др. Можно, вероятно, утверждать, что 24 писателя являлись выходцами из старых аристократических семей, однако к рубежу веков не все они достигли общественных высот, сумев сохранить социальный статус своих предшественников. В палеологовское время выдвигаются на первые позиции другие роды, представители которых входили в состав господствующей

⁶⁴ **Hunger H.** Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts// XIV Congres international des Etudes byzantines. Bucarest, 1971. S. 93.

⁶⁵ **Ševčenko I.** Society and Intellectul Life... P. 11.

⁶⁶ **Медведев И.П.** Византийский гуманизм. С. 26.

⁶⁷ PLP. F.9. № 21046.

⁶⁸ **Hunger H.** Johannes Chortasmenos... S.144.

⁶⁹ **Карсавина С.К.** Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки// ВВ. 1973. Т. 34. С. 98.

⁷⁰ **Каждан А.П.** Социальный состав... С.116 - 122.

элиты⁷¹. Это носители таких родовых фамилий, как Хрисолора, Нотара, Скаранос, Софиан, Оловол и др. Удалось сохранить свое привилегированное положение и некоторым старым фамилиям (Асаны, Аргирь, Раули, Гуделес). Выходцы из этих родов не чуждались и литературных занятий.

В целом носители знаний по своему происхождению принадлежали к различным социальным группам, представляя на одном полюсе низы византийского социума и на другом - господствующую элиту. Значительную долю составляют все же представители знати императорского, аристократического или служилого ранга.

Рассмотрим теперь социальное положение писателей, которого они сумели достичь в своей жизни. Для рассматриваемого периода указания о земельной собственности интеллектуалов (например, Георгия Амирутци, имевшего крупную земельную собственность, виноградники которого были разбросаны по всей империи)⁷² встречаются крайне редко. Но многие из них имели возможность получить земельные пожалования в награду за службу при императоре. Поэтому обладатели должностей в управленческих структурах могли быть и собственниками.

К византийской знати следует относить также обладателей высших званий и должностей. В табели о рангах середины XIV в. Псевдо-Кодина верхние строчки занимают титулы деспота, севастократора, протовестиария⁷³. Только два человека из среды интеллектуалов, не связанные родственными узами с императорами, носили титул протовестиария. Георгий Сфрандзи⁷⁴ и Георгий Амирутци⁷⁵ сумели сделать блестящую карьеру (первый в Константинополе, другой в Трапезунде), достигнув высокого ранга великого логофета, а после и протовестиария. 4 человека возглавляли правительство. Должность месадзона занимали в разное время Димитрий Кидонис, Георгий Гуделес, Димитрий Хрисолора, Лука Нотара. Сенаторский статус имели трое (Иоанн Аргиропул в 1438 - 1439 гг., Геннадий Схоларий, Плифон в 1438), что может свидетельствовать о их принадлежности к знатным кругам⁷⁶. К знати необходимо отнести и верхушку церковной иерархии. Таким образом, можно предположить, что не более 30% интеллектуалов конца XIV - начала XV в. относились к высшей знати. И что особенно важно в данном случае, основная часть писателей достигла такого положения благодаря собственным заслугам, еще раз демонстрируя социальную мобильность ви-

⁷¹ Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981. S. 244.

⁷² Карпов С.П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци// ВИ. 1991. № 6. С. 196.

⁷³ Pseudo-Kodines. Traite des offices/ Introd., texte et trad. J. Verpeaux. P., 1966. P. 133.

⁷⁴ PLP. F.11. № 27 278.

⁷⁵ Ibid. F.1. № 784.

⁷⁶ Чекалова А.А. Поляковская М.А. Интеллектуалы и власть... С. 16.

зантийского общества и значимость образования в достижении общественных высот.

Но значительная часть поздневизантийских интеллектуалов могла рассчитывать лишь на жалование, что вынуждало их поступать на службу. В условиях падения экономического престижа императорского дома покровителями ученых становились церковь, провинциальные правители, состоятельные люди в Византии, папский престол и итальянские гуманистические круги.

Материальное положение ученых указанного периода было различным. Источником материального благополучия являлись и семейные богатства. Должности при императорском дворе или в церковных структурах позволяли обеспечить достойное существование. Служба при богатых людях в качестве учителей или секретарей давала возможность преодолеть финансовые затруднения. Но жалобы на бедность продолжали звучать в письмах многих византийских интеллектуалов. Несмотря на занимаемые должности и близость ко двору, их материальное положение оставляло желать лучшего.

Итак, византийские интеллектуалы принадлежали к нескольким социальным группам: верхушке византийского общества, занимая важные позиции в церковной иерархии или государственной системе; окружению императора или других состоятельных лиц, находясь на службе и выполняя различные их поручения. Среднему слою образованность позволяла заниматься преподаванием. В целом интеллектуалы, если не относились к верхним слоям общества, то находились в непосредственной близости от них⁷⁷.

Подводя итоги, отметим те тенденции, которые доминировали в среде византийских интеллектуалов в конце XIV-XV в. Ученые занятия, как и прежде, оставались уделом немногих. Интеллектуальный мир сохранял замкнутый и избирательный характер, ограничивая проникновение в свою среду образовательным «цензом». В то же время образование было тем социальным «лифтом», с помощью которого можно было повысить социальный статус. Это объясняет почему интеллектуалы входили в состав элиты византийского общества или были тесно связаны с ней. Эта черта оказалась достаточно устойчивой на протяжении по крайней мере двух последних столетий существования империи. Как и прежде, интеллектуальные силы использовались в функционировании государственного аппарата, хотя сокращается практика привлечения их на ведущие посты в правительстве. Последние императоры предпочитали пользоваться услугами образованных людей частным порядком. Центробежные силы одерживали верх, и провинциальная тема оказалась ведущей. Этому способствовало нарастающее ослабление центральной власти. Ученые вынуждены искать защиты и покровительства на стороне. Но если на рубеже столетий интеллектуальная жизнь еще

⁷⁷ В этом отношении ситуация аналогична XIV в. См.: Ševčenko I. Society and Intellectual Life...P. 14.

не была затронута кардинальными изменениями и во многом протекала в традиционном русле, то XV в. прошел под знаком великого исхода ученых на Запад. Местом их прибежища стали Кипр, Крит, Италия и другие европейские страны. Интеллектуальная среда разрушалась под воздействием внешних причин.